

отстранены. Полагаем, что указанный порядок следовало бы распространить и на отечественный уголовный процесс, и с учетом того, что у нас рассматриваемую меру пресечения санкционирует прокурор, предлагаем ч. 3 ст. 126 УПК Республики Беларусь дополнить предложением следующего содержания: «При решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о заключении под стражу прокурор или его заместитель либо Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, обязаны определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым предусмотренных настоящим Кодексом обязанностей, за исключением случаев совершения ими преступления с применением насилия или угрозой его применения, преступления, которое повлекло гибель человека, и в отношении лица, которому в рамках данного уголовного дела уже избиралась мера пресечения в виде залога, которая была им нарушена».

Несмотря на то обстоятельство, что согласно ч. 1 ст. 124 УПК Республики Беларусь вид и размер залога устанавливает орган, ведущий уголовный процесс, установление размера залога прокурором в подобном случае не будет, на наш взгляд, противоречить требованиям закона, так как именно в подобной ситуации залог не носит характера самостоятельной меры пресечения, а лишь выступает в качестве альтернативы заключению под стражу.

1. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2008.

2. Петрова О.В. Совершенствование порядка применения мер пресечения в современном обществе // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2007. С. 205–208.

УДК 343.102

А.С. Сенько

ПРОБЛЕМНЫЙ СПЕКТР РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ВНЕСЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В Республике Беларусь традиционно со стороны государства уделяется повышенное внимание профилактике правонарушений. В этой области принят ряд ключевых законодательных актов, государственных и

региональных программ, а также на системной основе осуществляются иные целевые правовые, организационные и материально-технические мероприятия по реализации общих и индивидуальных мер профилактики правонарушений в стране.

В этой связи небезынтесен вопрос о профилактической роли органов следствия в предупреждении уголовно-процессуальных правонарушений со стороны органов дознания. Следует отметить, что правоприменительная практика органов уголовного преследования, а также в определенной мере сообщество теоретиков-правоведов уделяют определенное внимание данному аспекту компетентционной деятельности должностных лиц органов предварительного следствия (Александров А.Н., Рудов Д.Н. Предупредительная деятельность следователя как один из важнейших аспектов обеспечения задач уголовного судопроизводства // Вестн. Белгор. юрид. ин-та МВД России. 2013. № 1. С. 33–37). В частности, обсуждается вопрос о полномочиях и формах профилактического воздействия органов предварительного следствия на органы дознания в связи с осуществлением последними уголовного преследования по уголовным делам и материалам до передачи их следователю. В качестве одной из таких форм выделяется полномочие по внесению следователями в орган дознания представления в порядке, предусмотренном ст. 199 УПК Республики Беларусь. В качестве основания внесения представления, как правило, признаются установленные следователями сведения об обстоятельствах, свидетельствующих о несоблюдении действующего законодательства со стороны лиц, производящих дознание при рассмотрении ими заявлений и сообщений о преступлениях либо производстве неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам.

По нашему мнению, по целому ряду причин с подобной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Во-первых, данное мнение, полагая, не основывается на действующем законодательстве. Так, уголовно-процессуальный закон гласит, что орган уголовного преследования, установив при производстве по материалам проверки или уголовному делу нарушения закона, а также причины и условия, способствовавшие совершению преступления, вправе внести в соответствующие организации или должностному лицу представление о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления (ст. 199 УПК). Таким образом, грамматическое толкование приведенного текста нормативной правовой нормы и систематическое ее толкование в общей системе правового регулирования полномочий следователя и его задач при производстве по материалам проверки и уголовному делу позволяют прийти к однозначному выводу

о том, что следователь наделен полномочиями только на внесение представления о принятии мер по устранению нарушений закона, которые способствовали совершению преступления (преступлений), а также о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления (преступлений). Каких-либо полномочий о внесении представлений об устранении иных нарушений закона, выявленных следователем, которые не способствовали совершению преступления, в том числе нарушений уголовного или уголовно-процессуального законов, допущенных органом дознания при проведении доследственной проверки или первоначальных следственных действий по уголовному делу, УПК следователю не предоставляет. Подобные полномочия следователя не просматриваются и в тексте иных нормативных правовых актов, в том числе в Законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь».

Во-вторых, аргументом, говорящим не в пользу анализируемого видения содержания правомочия следователя, является указание закона на то, что внесенное следователем представление подлежит рассмотрению организацией или должностным лицом с обязательным уведомлением о принятых мерах в месячный срок со дня получения такого представления. В этом случае для устранения выявленных нарушений закона (причин и условий, способствовавших совершению преступления) лицу, производящему дознание (начальнику органа дознания), необходимо как минимум принять к своему производству соответствующие материалы проверки либо уголовное дело. Отсутствие у должностного лица органа дознания под рукой таких материалов проверки (уголовного дела) попросту юридически обесценивает факт внесения следователем обозначенной категории представлений. Как известно, уголовно-процессуальный закон не предоставляет возможности следователю направлять для принятия лицом, производящим дознание, к своему производству данных процессуальных материалов в целях устранения указанных в представлении нарушений закона.

В-третьих, действующий УПК предусматривает только две легальные процессуальные формы реагирования должностных лиц органов предварительного следствия (причем они касаются не следователей, а начальников следственных подразделений) на нарушения закона, допущенные со стороны должностных лиц органов дознания при реализации ими функции уголовного преследования по уголовным делам и материалам до передачи их следователю. К ним относится прежде всего полномочие начальника следственного подразделения возвращать органу дознания для проведения проверки заявления (сообщения) о преступном деянии, не содержащие достаточных данных, указывающих на

признаки преступления, с обязательным письменным указанием обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе проверки, и возможных мер по их установлению (п. 6 ч. 2 ст. 35 УПК). В качестве второго полномочия, направленного на устранение нарушений законности со стороны лиц, производящих дознание, выступает право начальника следственного подразделения вносить на имя соответствующего надзирающего прокурора представления об отмене незаконных и необоснованных постановлений органа дознания (п. 16 ч. 2 ст. 35 УПК).

Помимо приведенных законодательных имеются, на наш взгляд, и веские теоретические предпосылки, не позволяющие признать в качестве процессуальной истины анализируемое полномочие следователя (начальника следственного подразделения) по внесению представлений. Допущение возможности внесения следователем относительно процессуальных деяний должностных лиц органов дознания представления об устранении нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления, значительно поколеблет устоявшееся в теории уголовного процесса представление относительно функционального спектра распределения деятельности участников уголовного процесса. Согласно классическому представлению о реализуемых субъектами уголовно-процессуальной деятельности функций на органы уголовного преследования, в том числе органы следствия, возложена функция уголовного преследования лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении уголовно наказуемых деяний. Сообразно данной функции субъекты наделяются соответствующими процессуальными правами и обязанностями, позволяющими им в полной мере ее реализовать в правоприменительной деятельности. Другими словами, правовая сущность возложенной на них функции определяет целевую направленность предоставленных им же законодателем полномочий (прав и обязанностей). Полномочие по внесению исследуемого представления никоим образом не способствует следователям в реализации функции уголовного преследования. Более того, наличие у субъекта обозначенного уголовно-процессуального средства косвенным образом указывает на принадлежность ему таких несвойственных функций, как процессуальное руководство дознанием и осуществлением прокурорского надзора за соблюдением законов при производстве дознания. Между тем общепризнанно, что данные функции в уголовном процессе Республики Беларусь вовсе не присущи следователю (начальнику следственного подразделения). По УПК функция осуществления надзора за исполнением законов при производстве дознания, а также процессуального руководства дознанием возложена

на генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему нижестоящих прокуроров.

В связи с вышеизложенным следует констатировать, что должностные лица органов предварительного следствия при выявлении нарушений закона, допущенных органом дознания при производстве им по материалам проверки и уголовному делу до передачи их следователю, не уполномочены на внесение представлений в порядке ст. 199 УПК. Вместе с тем очевидно и иное. Без надлежащего реагирования со стороны органов предварительного следствия подобные случаи оставаться не должны. Прежде всего в подобной ситуации действия следователя в соответствии с его уголовно-процессуальными полномочиями должны быть направлены на непосредственное устранение допущенных правовых ошибок. При недостаточности у следователя к этому правового арсенала ему следует обращаться за содействием к начальнику следственного подразделения для применения им полномочий, предусмотренных п. 6 и 16 ч. 2 ст. 35 УПК. Помимо этого в случае необходимости следователю нужно в установленном законодательством порядке инициировать перед надзирающим прокурором вопрос о реализации последним прокурорско-надзорных полномочий, предусмотренных ст. 34 УПК.

УДК 343.1(035.3)

С.А. Сергеев, В.И. Балко

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

С 1 января 2015 г. в законную силу вступил новый УПК РК, направленный на реализацию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, а также на упрощение и повышение эффективности уголовного процесса в Республике Казахстан. В гл. 30 УПК РК введен новый юридический термин «негласные следственные действия», который заимствован из юридической практики стран Западной Европы.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство данного правового института направлено на более полное использование в уголовном процессе материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

В ст. 7 УПК РК дано разъяснение этого понятия: негласное следственное действие – действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК.

Перечень негласных следственных действий обозначен в ст. 231 УПК РК. В настоящее время в законодательстве РК их выделено восемь видов.

Это связано законодательно и правоприменительно со стремлением сотрудников правоохранительных и специальных государственных органов совершать один из восьми видов негласных следственных действий для получения фактических данных по уголовному делу.

Негласные следственные действия, как правило, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности [1].

Негласные следственные действия проводятся: по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы свыше одного года; по преступлениям, подготавливаемым и совершаемым преступной группой.

Порядок процедуры проведения негласных следственных действий определяется специальными государственными органами по согласованию с генеральным прокурором. Особенностью является возможность процедуры проведения негласных следственных действий лишь в случаях, когда информация об обстоятельствах дела не может быть получена путем проведения следственных действий.

Негласные следственные действия проводятся в Казахстане с санкции следственного судьи специализированного следственного суда, специализированного межрайонного следственного суда на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное расследование, либо иных должностных лиц, уполномоченных УПК РК на вынесение соответствующего постановления.

В течение долгого периода между законодателями и правоприменителями проводились разные дискуссии, которые не прекращаются до сих пор, по вопросам негласных следственных действий, соблюдения законности во время их проведения, допустимости результатов в качестве фактических данных, принципиальных различий настолько подобных между собой негласных следственных действий и специальных оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время имеют место несколько подходов к оценке института негласных следственных действий, даже диаметрально противоположных.